

ГРИГОРИЙ КУБАТЬЯН: «Я ЕЩЁ БОЛЬШЕ ПОЛЮБИЛ НАШИХ ЛЮДЕЙ»

У нас в гостях Григорий Кубатьян — известный путешественник, член Русского географического общества, писатель, автор книг «Жизнь в дороге», «В Индию на велосипеде», «Великий африканский крюк», «От Мексики до Антарктиды». Григорий объехал автостопом, на велосипеде, на кораблях половину мира, побывал на всех континентах. Осенью 2022 года ушёл добровольцем на фронт. Воевал в составе батальона «Ахмат». После ранения стал военкором. Пишет прекрасные, очень точные очерки о Донбассе, его мирных жителях и защитниках.

Нашу беседу мы начали с его книги «Осень добровольца» (издательство АСТ) — искреннего и честного рассказа о военных буднях, обо всём, что автор увидел на фронте, о людях, с которыми его свела судьба, дополненный воспоминаниями о довоенной жизни и размышлениями о стране и эпохе.

родной язык, память о своей истории и героических предках. Получилось будто в вековой лес с дубами-великанами пришли лесорубы в тирольских штанишках и попытались его вырубить, чтобы расчистить землю и набить карман. Но бывают такие деревья, что о них тупятся топоры.

Второй уровень — это конфликт между Западом и Россией. Недалекое и жадное руководство позднего СССР, желая присвоить народную собственность и стать буржуазией, сдалось в холодной войне, распустило Союз. Но война не прекратилась! Пока мы пытались дружить с Западом, он продолжал душить Россию. Разжигал русофобию вдоль наших границ, сеял смуту внутри страны, паразитировал на нашей экономике, искажал историю, захватывал культуру.

Украина для Запада — кувалда, которой хотят расколоть Россию. Как писал зоологический русофоб Збигнев Бжежинский, «без Украины Россия перестает быть евразийской империей». Между двумя когда-то братскими народами Запад вбивает клин, создает вечный конфликт вроде индо-пакистанского. Чем больше льётся крови, тем больше будет взаимная ненависть. Кого ненавидят русские? Нацистов! В тех странах, которые толкают к конфликту с Россией.

Третий уровень — борьба прогрессивных сил, к которым примкнула Россия, против глобализма. Глобалисты захватили управление миром. Они гипнотизируют людей лживыми нарративами, разжигают войны. Их стратегию можно свести к одной идее — сокращение населения Земли, чтобы планета осталась во власти небольшой группы избранных, живущих в «цветущем саду», а остальных — стереть как ластиком, оставив минимум персонала для обслуживания элиты.

— Захар Прилепин в предисловии к «Осени добровольца» отметил: «Раз мы по-прежнему умеем писать добрые книги о войне — беда преодолима». А вы сами как бы описали свою книгу?

— Это взгляд на войну гражданского человека, вынужденно взявшего в руки оружие. Я совсем не пишу про тактику, маневры, характеристики оружия, а только про личный опыт. Про то, что видит и чувствует человек, впервые надевший форму и отправившийся воевать.

— Григорий, в чём для вас состоит эта «русская беда»?

— Русская беда в том, что при распаде Союза русский народ был искусственно разделён против своей воли. Теперь, разделённые, мы враждуем друг с другом.

— А вообще, для вас — о чём этот конфликт? Кто с кем воюет? И кто именно ваш враг?

— Этот конфликт многослойный, как матрёшка. На первом уровне — это гражданская война, разделившая жителей Украины. Одни захотели стать европейцами, получать пособие и ходить в кружевных трусах. Им мешали только «совковое наследие» и «москворотые» на востоке страны. Для других было важно сохранить русскую культуру,

Человечество с такой судьбой не согласно и начинает просыпаться. Идёт процесс переустройства мира. Россия занимает в этом процессе важную роль, постепенно освобождаясь от глобалистской паутины.

— Вы верующий человек? Пребывание на фронте делает человека ближе к Богу?

— Трудно ответить однозначно. Я с уважением отношусь к верующим, но не люблю религиозных фанатиков. Думаю, что если человек вообще ни во что не верит, то у него нет души. Но если, имея веру, он никогда не испытывает сомнений, то у него нет ума.

Я люблю бывать в храмах. Когда путешествовал по миру, то посещал храмы всех религий, даже жил при них. Но если я когда-нибудь чувствовал присутствие Бога, то скорее не там, а в каких-то сложных жизненных ситуациях. Вспоминаю, что чувствовал нечто подобное незадолго до своего ранения. На что похоже присутствие Бога? На уверенность, что тебя любят, и что всё будет хорошо. На войне ты ближе к смерти — а значит, и к Богу.

— Если вернуться к вашей биографии... Вы написали в своей книге, что пошли учиться на чиновника, чтобы «починить страну». И вдруг, вместо кресла чиновника, бесконечная дорога, путешествия автостопом...

— На тот момент — а это был конец 90-х и начало 2000-х — я думал, что всё потеряно. Мне хотелось не видеть происходящего, уехать куда-нибудь подальше. Но это был не поиск лучшей жизни в Европе или США, а наоборот — поиск иной философии и мировоззрения в странах Третьего мира. Моя вера в Россию начала возвращаться в 2008 году, когда мы впервые дали отпор Западу, начавшему против нас агрессию руками авантюриста Саакашвили. Мы перестали отступать и начали отбиваться.

Можно сказать, что у меня две Родины — Россия и СССР. Я люблю их одинаково. За границей это чувство даже острее.

— Можно сказать, что без этого странничества не было бы в итоге решения стать добровольцем?

— Странничество настраивает на философский лад и делает довольно миролюбивым. Но я много времени провёл в странах Третьего мира — в Азии, Африке и Латинской Америке. Мне много рассказывали, что там натворили США и другие страны Запада. То же пытались сделать и с нами. Но мы начали сопротивляться, и я не мог не поддержать это решение.

— На Донбассе вы бывали ещё до спецоперации? Как вы вообще встретили 2014 год, с какими мыслями и эмоциями?

— Зимой 2013-2014 года я работал в Индии гидом и переводчиком при медицинском центре. Среди моих клиентов было много украинцев. Ещё тогда я им говорил, чем закончится майдан, рассказывал историю трагического раздела Индии англичанами. Они не верили, считали, что «это

На временном направлении. 2023 год.

другое». Что касается возвращения Крыма и начавшегося сопротивления на Донбассе, то эти события дали надежду на скорое возрождение России. Хотя и тогда было ясно, что легко не будет.

— Как принималось решение пойти добровольцем? О чем тогда думали, что внутри себя проговаривали?

— Было воодушевление после первой военкорской поездки на Донбасс. Там я увидел настоящих людей, рисковавших жизнью ради того, чтобы остаться русскими. При том, что в самой России я знал немало людей, готовых заплатить большие деньги, чтобы перестать русскими быть.

У меня было острое желание что-то сделать для русских, живущих на Украине. К этому примешался стыд, когда во время частичной мобилизации многие сограждане бросились спасаться за границу.

— За время пребывания на фронте: самое тяжелое и самое светлое, самое дорогое и самое раздражающее?

— Было тяжело думать о доме, о близких. Но физически тяжело не было, в иных походах условия бывали хуже. Светлое — звонки домой с крыши полуразрушенной 9-этажки, где только и ловился сигнал. Или добрые детские письма, которые пришли нам с гуманитаркой. Домашние закрутки с трогательными записками «для наших мальчиков». Я не страдал от голода, но то, что для нас отправляли гостинцы со всей страны, это было важно.

Меня мало что раздражало, война есть война. Разве что, когда в замкнутом подвале или комнате все курили одновременно, дышать я не мог. Лучше было сидеть в окопе.

— В чём для вас будет заключаться победа?

— Есть победа ближняя и дальняя. Ближняя может быть просто миром, прекращением огня. При условии, что будет устранена угроза со стороны Украины и Запада, и мы получим гарантии отсутствия такой угрозы. То есть поменяется правительство Украины, а сама она будет разоружена и откажется от воинственной русофобии. Думаю, нынешняя украинская власть на это не пойдёт. И Запад на это не пойдёт. Он-то ничем не рискует, подталкивая Украину к самоубийству.

Дальняя победа — это объединение нас в подобие союза: России и Украины, России и бывших республик СССР, укрепление связей России и стран

БРИКС. В перспективе — союз России и наших нынешних противников. Чтобы были устранены причины конфликтов и оставалось только желание сотрудничества. Победа — это мир для всех.

— После ранения вы как-то совершенно естественно пошли в военкоры. На ваш взгляд, в чем значение военкора в нынешнем конфликте?

— Задача военкора — наблюдать за происходящим и рассказывать об этом, стараясь быть честным. В этой профессии есть много ограничений: важно не навредить своими рассказами, не сыграть на руку противнику. А главная цель, как мне кажется, сохранить для истории имена героев, благодаря которым страна выжила и победила.

— Вы пишете и о военных, и о первых ополченцах... Есть такие истории, судьбы, которые вам наиболее запомнились, поразили или оставили шрам на сердце?

— Я общался с людьми, которые теряли руки, ноги, даже пережили клиническую смерть, но восстанавливались и возвращались в строй. А ведь это очень страшно, когда от человека, по сути, осталась половина, но он продолжает сражаться!

Поражают истории воюющих женщин, у которых дети растут в блиндажах, потому что их не с кем оставить. Или которые вытягивают на себе из боя здоровенных раненых мужчин. Или которые часами лежат без движения на холодных камнях, сжимая в руках винтовку с оптическим прицелом, потому что нужно обезвредить НАТО-вского снайпера, иначе он убьёт наших ребят. Этих историй множество.

— Что донбасская война и спецоперация от-

С сослуживцами. Только что получили оружие. Луганск, 2022 год.

Испытываем броневладелец «Ахмат»

крыли вам в наших людях — на фронте, в тылу. Что вы о наших людях не знали, не осознавали, не ожидали в них увидеть?

— Я ещё больше полюбил наших людей. Они оказались выносливыми, храбрыми, самоотверженными. Одно дело знать это теоретически, другое — видеть своими глазами ежедневный героизм бойцов, волонтеров или работников экстренных служб, работающих в зоне боевых действий: спасателей, врачей, пожарных.

— Сейчас часто повторяют, что СВО сформировала в нашей стране настоящее гражданское общество. Согласны с этим утверждением? Общество изменилось?

— В значительной степени изменилось. Люди отлично знают, в чем нуждаются их близкие, находящиеся на фронте. Знают о проблемах, о которых не говорят в СМИ. И, к их чести, не тратят силы на жалобы, а объединяются и решают проблемы самостоятельно: помогают раненым в реабилитации, собирают гуманитарную помощь, отправляют на передовую автомобили, разрабатывают новые виды вооружения. Власть следует за волей народа, начинается процесс очищения от корруп-

Первый выезд в качестве военкора КП на угледарское направление. Волноваха, весна 2023 года

ционеров и подлецов. Ведь то, что было допустимо и принято в мирное время, в военное — невозможно.

— Не знаю, согласитесь ли вы, но литература сейчас, пожалуй, в авангарде изменений в культуре. Что в современной русской литературе вас радует?

— Радует, что в магазинах появились выкладки с книгами об СВО. Что таких книг появляется всё больше. Что люди стали больше интересоваться литературой и поэзией, а не только скроллингом соцсетей. Мне трудно судить о современной литературе, я мало её читаю. Когда появляется время на чтение, предпочитаю дореволюционную или советскую, и с удивлением обнаруживаю, что всё, что происходит сейчас, было описано ещё тогда. В том числе, когда речь идёт о политике и войне.

Автор: Валерия Троицкая.

На руинах ресторана «Царская охота» в Авдеевке. Здесь наши штурмовики впервые прорвались через трубу.

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ ГРИГОРИЯ КУБАТЬЯНА «ОСЕНЬ ДОБРОВОЛЬЦА»:

«Я родился в Советском Союзе, когда Украина, Грузия, Эстония не были отдельными государствами.

Это была моя большая страна. Великая мирная страна, выбравшая путь прогресса и справедливости.

Я гордился, что живу в ней. Верил, что скоро все в мире будут жить так же хорошо, как я. И не только на нашей планете, но и на соседних, и даже у самых дальних звёзд.

Это позже я начал читать журнал «Огонёк», который покупали взрослые, — и узнал, что живу плохо, что страна моя ужасна и преступна, правительство коррумпировано, в армии дедовщина, космическая станция проржавела, в продуктах нитраты и радиация, а все наши герои — на самом деле злодеи.

Спустя время я случайно наткнулся на старый мятый «Огонёк» — и поразились, сколько диких нелепиц и злобной ерунды опубликовано там. Но было поздно: моя великая мирная страна распалась на большие и малые феоды, вздорные, подозрительные и желающие друг другу смерти.

Я пошёл учиться на государственного чиновника, чтобы починить моё несчастное испорченное государство. Мне казалось, что правители не понимают, что делать. Ослеплены свалившимися на них народными богатствами, ставшими их личной собственностью. Я видел, что мы движемся не туда и придём к катастрофе, — но верил, что научусь, и всё сделаю как надо.

К концу обучения я разочаровался в этой идее. Понял, что во власти нет идиотов. Там всё понимают, и направляют страну к пропасти — намеренно,

из алчности, эгоизма и ложного мессианства, уверенные, что успеют сбежать, и даже будут облаканы западными хозяевами за выполнение важной исторической миссии. «Русская угроза» перестанет существовать вместе с Россией, наступит комфортный однополярный демократический мир, владеть которым будут избранные. Лишние русские вымрут, «не вписавшись в рынок». И слава богу! Ведь называть себя «русскими» могут только националисты и ксенофобы — так нас учили ежедневно со страниц книг и журналов, с экранов телевизоров. Я был в ужасе. Мне хотелось бежать из сотрясающейся в конвульсиях страны.

Мои поездки по миру, начавшись в институте, становились всё дольше, и уезжал я всё дальше. Денег на путешествия не было — я катался авто-стопом, ночевал в палатках, питался чем попало. Брался за любой труд: был маляром, плотником, матросом, сборщиком овощей, работал в ресторане и снимался в массовке. Потом начал писать о своих приключениях и зарабатывать журналистской.

Я понял, что дело — не в России. Наша страна — не самая дурная и не самая несчастная. Просто по миру ездит тяжёлый колониальный коток, который раскатывает в плоский блин всех, кто приподнимает голову и пытается жить самостоятельно. Советская Россия и собравшиеся вокруг неё республики для многих народов мира были сияющим маяком — единственным союзом, способным противостоять безжалостному капиталистическому миру. Символом справедливости и равенства, хорошо заметным, если глядеть из унылого колониального сумрака...»